

DOI 10.35775/PSI.2024.108.8.008

УДК 32.323

И.Л. МОРОЗОВ

доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления
Волгоградского института управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
член экспертного совета по противодействию идеологии
терроризма при Антитеррористической
комиссии Волгоградской области,
Россия, г. Волгоград
E-mail: morozov-il@ranepa.ru
ORCID 0000-0001-8241-5880
SPIN-код: 1505-1622
AuthorID: 644786

ТЕРРОРИЗМ И ИНЫЕ ФОРМЫ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННОГО НАСИЛИЯ – ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ ПО ТАКТИЧЕСКИМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТАМ

Вошедший в стадию активизации, международный терроризм в настоящее время является одной из наиболее актуальных угроз безопасности личности, общества и государства в любой точке планеты, что ставит научную проблему поиска эффективных мер противодействия ему. Терроризм – наиболее агрессивное, но не единственное социально-опасное явление. Целью статьи является определение тактических и идеологических особенностей современного терроризма, позволяющих демаркировать его от таких категорий, как экстремизм, радикализм, повстанческие народно-освободительные движения – для выработки более адресных программ борьбы с ним. Методологической базой исследования является системный подход к оценке изучаемого явления, структурно-функциональный анализ современной террористической деятельности как взаимосвязанных элементов тактического и идеологического характера, лингвистический семантический анализ эмпирических материалов. Автор приходит к выводу, что среди характерных черт террористической идеологии, выделяющих ее среди иных радикальных воззрений, доминирует образ врага, готовность к неограниченным человеческим жертвам, отказ от любых форм компромисса с политическими оппонентами, понимание победы над которыми сводится к физическому уничтожению, но при этом у террористов нет ясности относительно будущего мироустройства, эклектичность и логическая противоречивость в политических взглядах. Автор указывает, что для эффективного противодействия террористической угрозе в России необходима национальная идея, способная заполнить идеологический вакуум,

каркасом корой могут стать такие компоненты, как евразийство, патриотизм, традиционализм. Однако утверждение в общественном сознании подобной объединительной идеи невозможно без решения актуальных проблем более общего рода – социально-экономическое неравенство, правовой нигилизм, пассивный патернализм, характерные для заметной части российского общества.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, радикализм, диверсия, повстанческое движение, национально-освободительная борьба, идеология, национальная безопасность.

XXI век открыл новый этап в истории терроризма как социально-опасной тактики деструктивных действий, отметившейся интенсификацией проведения акций, их все более технологическим характером, масштабами разрушительных последствий и ростом числа жертв [5. С. 27], причем в качестве приоритетных целей международными террористическими организациями теперь осознанно определяются именно дети, в расчете на максимальный социальный и политический резонанс последствий теракта:

– октябрь 2002 года – террористическое нападение на театральный центр на Дубровке в г. Москве, Россия;

– сентябрь 2004 года – террористическое нападение на школу в г. Беслане, Россия;

– апрель 2014 года – террористическое нападение на школу в г. Чибоке, Нигерия;

– декабрь 2014 года – террористическое нападение на военное училище для детей и подростков в г. Пешавар, Пакистан.

Особенностью тактики террористических движений последних десятилетий стал переход от централизованных структур к действиям террористов-одиночек, спонтанно принимающих решения о проведении акций и потому сложно выявляемых оперативными методами правоохранительных структур. Информационная революция «опутала» все человечество многослойными глобальными сетями цифровых коммуникаций, что впервые в истории сформировало уникальную ситуацию, когда каждый желающий может стать источником смыслового сообщения и доставить его до целевой аудитории. Вербовщики и пропагандисты международных террористических организаций (МТО) могут дотянуться практически до любого человека, использующего электронные устройства коммуникации. Проф. Пьер Пехлеви (Королевский военный колледж Канады при Департаменте оборонных исследований) на примере вооруженной шиитской группировки «Хезболла» анализирует широкую палитру маскировки пропагандистских возможностей, которые предоставляет радикалам современное информационное общество, от взлома и подмены информации на доверенных для пользователей сайтах, включая официальные правительственные, до активизации заранее развернутых и замаскированных под нейтральные информационных блогов, сообществ, каскадов аккаунтов в социальных сетях, которые найдут возможности так или иначе донести свою информацию

до целевой аудитории и констатирует: «Дни листовок, плакатов и старой доброй радиопропаганды, похоже, прошли» [9].

Другой особенностью терроризма становится его технологичность. Достижения человеческой цивилизации в сфере научно-технического прогресса уже сейчас сделали бытовой обыденностью возможности, которые еще лет двадцать назад фигурировали в жанре фантастических произведений. Сейчас любой гражданин способен приобрести компактный беспилотный летательный аппарат (квадрокоптер, дрон) и потенциально использовать в деструктивных целях – доставка взрывного устройства на атакуемый объект. В перспективе террористы однажды могут овладеть технологиями будущего – самоподдерживающимися автоматизированными техническими боевыми системами на основе искусственного интеллекта (ИИ), способными самостоятельно определять оптимальные цели для атаки и вычислять наиболее подходящий алгоритм нападения. Как пишет проф. Майкл К. Горовиц (Пенсильванский университет): «...опасность ИИ проистекает из развертывания алгоритмических систем как на поле боя, так и за его пределами таким образом, который может привести к авариям, сбоям в работе или даже непреднамеренной эскалации» [8. С. 161]. Речь идет о военных технологиях, но как скоро они окажутся в руках гражданских злоумышленников – террористов, вопрос лишь времени.

В ходе российско-украинского вооруженного конфликта выявилась еще одна особенность современного терроризма – появление боевика-исполнителя нового типа, идейно немотивированного, лишенного базисных принципов человеческой морали, готового за деньги взяться за любую кровавую работу, ему безразлично кого убивать и за что. Социальные сети и мессенджеры позволяют заказчику дистанционно найти в атакуемой стране индивида с подобными психологическими характеристиками и предложить ему вознаграждение за исполнение кровавой работы. Корыстные мотивы двигали исполнителями самого кровавого за последние годы на территории России террористического акта в Крокус Сити Холле (город Красnogорск, 22 марта 2024 года), корыстным был и мотив действий Е. Серебрякова (5), по заданию украинских диверсионных служб установившего взрывное устройство, в результате срабатывания которого 24 июля 2024 года в Москве был тяжело ранен высокопоставленный сотрудник Министерства обороны России.

Если в первом случае наблюдались все квалификационные признаки террористического акта (атака на гражданский объект, создание угрозы жизни гражданским лицам с целью насаждения атмосферы запугивания, страха, и в конечном итоге воздействия на принимающие решение органы государственной власти), то во втором случае возникает выбор между определением террористического акта или диверсией, а так же вопрос, можно ли назвать в обоих случаях исполнителей акций экстремиста (убежденными сторонниками идеологии ненависти).

Соотношение таких понятий, как радикализм, экстремизм, терроризм и диверсия (4), до сих пор является предметом научной дискуссии [3. С. 30-45;

7. С. 76-78] и эволюции правовых норм [2], имея не только теоретическое значение, но необходимость учета при выработке стратегии пресечения террористической деятельности и профилактики распространения деструктивных идеологем. Если в политической науке закономерно наблюдается логическое стремление к максимально компактным и четким формулировкам изучаемого социально-политического явления, то российское законодательство в большей степени тактически адаптируется под правоприменительную практику, дающую определенную свободу политического маневра, когда одно и то же событие можно, в зависимости от политической целесообразности, квалифицировать по-разному. Предельно широкое толкование экстремизма (раскрываемое через экстремистскую деятельность), позволяет подвести под соответствующую квалификацию практически весь спектр оппозиционной деятельности и даже конкретный случай выражения частного мнения физическим лицом в социальных сетях, а на первых этапах Специальной военной операции России на Украине (СВО) атаки даже на безусловно военные российские объекты предпочитали квалифицировать терактами, поскольку ставилась политическая задача не определять российско-украинское противостояние как войну (вооруженный межгосударственный конфликт) и только с конца 2022 года внимание правотворческих органов поспешно обратилось к необходимости детализации правового пресечения диверсионной деятельности, введя в Уголовный кодекс РФ сразу три новые статьи: «Содействие диверсионной деятельности» (ст. 281.1 УК), «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности» (ст. 281.2 УК) и «Организация диверсионного сообщества и участие в нем» (ст. 281.3 УК)» (6).

Исходя из анализа тактики действий МТО, можно предложить четыре ниже следующие позиции, позволяющие демаркировать терроризм от иных деструктивных социально-политических явлений:

- террорист имеет крайне узкую социальную базу сторонников (в отличие от экстремистов, способных проводить массовые акции публичного радикального протеста), поэтому при организации террористических акций не беспокоится по поводу вероятной гибели не причастных, случайных людей;

- террорист сосредоточен на конкретных деструктивных действиях, а идеологические споры, равно как и вообще дискуссии с оппонентами по теоретико-мировоззренческим вопросам считает излишними, не имеющими смысла (в противном случае – радикал), что не исключает пропагандистской работы в целях поиска новых адептов, подрыва социально-политической стабильности, формирования у населения чувства неуверенности, незащитности и недоверия к государственной власти;

- террорист предпочитает исключительно силовые действия, направленные на физическое уничтожение или угрозу уничтожения людей (в противном случае – радикал или экстремист). В российской политической науке в 2020 году благодаря выпуску исследования авторского коллектива из Высшей школы экономики [4. С. 12-14] вновь актуализировалось обсуждение проблемы демаркации террористических и вооруженных повстанческих движений. Автор

данной статьи придерживается методологической позиции, согласно которой это явления принципиально разного рода по генезису, задачам, масштабам, социальному составу, хотя повстанцы (например, в случае ведения так называемой национально-освободительной антиколониальной борьбы) на начальных этапах вооруженной деятельности могут использовать некоторые тактические заимствования из арсенала террористов, а террористы, в свою очередь, оглашать «революционные» лозунги;

– террорист врагами считает не только тех, кто воплощает своей деятельностью или хотя бы пассивно поддерживает государственную власть (или этническую, конфессиональную группу, на которую направлена агрессия), но и тех, кто активно не сопротивляется ней.

Идеологию терроризма предлагается определить как совокупность радикальных социально агрессивных идейных установок, обосновывающих необходимость создания угрозы жизни и здоровью представителям различных социальных групп и отдельным людям для достижения политических целей. Лингвистический (семантический) сравнительный анализ корпуса текстов, речевых фрагментов (манифесты, псевдофетвы, заявления лидеров и адептов МТО) позволил выделить особенности собственно террористической идеологии, что потенциально позволит решить вопрос о демаркации экстремистских и террористических материалов:

– радикальное неприятие существующих социально-политических отношений;

– неясность, утопичность, противоречивость образа желаемого мироустройства;

– наличие образа врага;

– борьба с врагом как главный смысл и содержание своей деятельности;

– готовность использовать все формы вооруженного политического насилия, в первую очередь направленные на физическое уничтожение цели и запугивание соответствующих макросоциальных групп;

– отсутствие вероятности компромисса со своими политическими оппонентами;

– готовность террористов к любым человеческим жертвам (включая нечастных лиц и даже своих симпатизантов) на пути к своей цели;

– крайне агрессивная, но при этом эклектичная риторика (лозунги, призывы, воззвания, обращения).

В российской нормативной правовой базе ведется Федеральный список экстремистских материалов, в который фактически включают и «продукцию», изготовленную террористами. Автор данной статьи ставит вопрос о целесообразности квалификационного разделения экстремистских и террористических материалов по указанным выше позициям. В качестве иллюстрации приведем результаты авторского анализа двух источников (Таблица 1), содержащих в себе деструктивные смысловые идеологемы, наглядно показывающие

характерные различия содержания материалов экстремистской и террористической направленности.

Таблица 1. Сравнительный анализ пропагандистских материалов экстремистской и террористической направленности

«Сказ о Светлом государстве» (1)	Воззвание (последнее интервью) Приморских партизан» (2)
– Логическая форма подачи материала, целостность, связность, краткость – Историческое обоснование доказательства наличия скрытого врага – Отсутствуют прямые призывы к физической ликвидации врага – Адресная аудитория – ставка на широкие народные массы, которые своей протестной активностью отстранят от власти своих «противников»	– Эмоциональна форма подачи материала, фрагментарность – Враг настолько очевиден, что доказательство его наличия не требуется – Присутствуют многократно повторяющиеся призывы к физической ликвидации врага – Адресная аудитория – ставка на «героев», которые своей «бесстрашной борьбой» физически уничтожат «врагов»

Как форма вооруженного политического насилия, терроризм основан на принципах компенсации материальной ресурсной слабости террористических группировок их идеологическим «превосходством» над оппонентами, что обеспечивается за счет формирования в сознании адептов упрощенной картины мира, дихотомического оценочного восприятия процессов внешней среды, снятия моральных ограничений на все виды насилия и жестокости по отношению к «чужим», готовности жертвовать «своими», а в ряде случаев и самим собой.

Ключевым идеологическим элементом является «образ врага», который встраивается террористической пропагандой в политическое сознание целевой аудитории и обосновывается якобы историческими традициями. Один из основателей «Исламского государства – ИГ» (3), Абу Мусаб аз-Заркави, так высказывался о мусульманах-шиитах, ставших одним из объектов террористических атак со стороны суннитского ИГ: «Непреодолимое препятствие, притаившаяся змея, хитрый, злобный скорпион, шпионящий враг, всепроникающий яд» [1. С. 54]. Воплощая свои лозунги в практику, Заркави использовал провокационный тактический ход – 22 февраля 2006 года его боевики заминировали и взорвали древнюю мечеть в иракском городе Самарра, причем время было выбрано так, чтобы избежать человеческих жертв и не дать повода прямо обвинить террористическую группировку в убийстве мусульман-единоверцев, но это был повод распространить провокационные слухи среди как шиитской, так и суннитской общин города, между которыми на этой почве начались кровавые столкновения, в свою очередь давшие террористам возможность перейти к вооруженным кровавым акциям уже на фоне всеобщего хаоса [6. С. 272-273].

Обязательным компонентом в идеологии современного терроризма является апелляция к священным текстам или иным (если речь идет не о религиозных

формах террористической идеологии) источникам, образующим некий «групповой канон» (термин Э. Берна) – набор смыслов, чья истинность не обсуждается и не ставится под сомнение членами террористической группировки. Бывший лидер «Аль-Каиды» Усама Бен Ладен в издаваемых им «фетвах» чередовал призывы к уничтожению современных немусульман с цитатами из Корана, тем самым подменяя в восприятии своих adeптов современную реальность на историческую специфику средневековья.

Что можно противопоставить идеологии терроризма в рамках профилактических мероприятий, кроме тотального информационного запрета, который далеко не всегда эффективен? Только формирование и принятие российским обществом общенациональной объединяющей идеи, основанной на традиционных ценностях и осознании общности исторической судьбы), может стать вектором эффективного противодействия распространению террористической идеологии на территории Российской Федерации. Однако ее формированию препятствует целый блок факторы, лишь некоторые из которых:

- глубокое социальное неравенство;
- неразвитость гражданско-правовой культуры, распространившийся правовой нигилизм, склонность заметной части россиян к конфликтно-силовым методам решения спорных ситуаций даже по бытовым вопросам;
- господство патерналистских ожиданий в социуме в сочетании с запросом не только на материальное благополучие, но в первую очередь на социальную справедливость. Характерно, что именно под этим лозунгом летом 2023 года подчиненные Е. Пригожину вооруженные формирования предприняли «Марш справедливости» на Москву.

В качестве составных элементов национальной идеи современной России можно предложить следующие идеологемы:

- Евразийство (Россия как интегратор народов Востока и Запада);
- Патриотизм (гордость за прошлое и настоящее своего государства, особое почитание ратных подвигов);
- Традиционализм (Бог, Семья, Трудолюбие).

В заключении следует отметить, что в основе эволюции идеологии городского терроризма конца XX – начала XXI веков лежат процессы глобализации, вскрывшие национальные границы государств, интенсифицировавшие процессы внутригосударственной миграции, совпавшие с кризисом рационалистических идеологий, открывших дорогу религиозным формам мировосприятия, в том числе в их наиболее радикальной форме. Обращение к фундаменталистским, средневековым традициям трактовки религиозных положений стало одним из способов самозащиты для человека, мигрировавшего из условной «глобальной деревни» в условный «глобальный город», потерявшего психологическую устойчивость в новой и зачастую недоброжелательной социальной среде. В отношении данной целевой аудитории идеологам современного терроризма

не надо изобретать ничего нового, достаточно предложить набор старых идеологем, с некоторой поправкой на реалии современного бытия.

Темпы и особенности развития электронных информационно-коммуникативных технологий таковы, что в значительной мере обесценивают государственную стратегию на подавление террористических идеологий методами запрета на пропаганду агрессивных идеологем, это может дать тактический выигрыш во времени, но не более. Потенциальные адепты терроризма при наличии желания сумеют найти необходимую им информацию и единомышленников. Основные усилия необходимо сосредоточить на комплексе мер по устранению социально-экономических причин, порождающих социальную страту радикалов в среде городского населения. Другим важнейшим направлением работы с городским населением должен являться комплекс мероприятий обучающего, воспитательного (для подростков и молодежи) и просветительского (для взрослых) характера. Преодоление бедности и социального неблагополучия в сочетании с повышением уровня духовно-личностного развития граждан – единственный способ лишить проповедников террористических воззрений своей целевой аудитории и сделать предлагаемый ими «информационный товар» не только невостребованным, но и решительно отторгаемым многонациональным, поликонфессиональным, но единым в своей гражданской позиции российским социумом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Данный материал не включен в Федеральный список экстремистских материалов и на момент подготовки статьи расположен в свободном доступе на ряде ресурсов в интернете // <https://yandex.ru/video/preview/16621596434287709876?spravka=dD0xNzlwMzY2Mzg2O2k9MjYwNzo3NDA6Mjc6MjAwMDphOGU6OWU0ODplM2U2OmFiODY7RD01NEJGRjc3ODM4QjJENDcwQ0RENzY3RTY0-OEEExRDA3RTk3Qzc2MDQ1MEQwREFDMzkyNDNEOTcwQUY0MDhEODZBRUM2MUNEQ0QwNDhCQTZDNkY0MEE5OTBFQTFDMzM0ODNGQjg0NDk5RjdCNTRErDYxODZFQ0Y3OUJBQjU4M0JFNuY5RkQ5MEMzNDZFNjA1QkJBNjg0RUZDRtA0MTZGRjAwRkVFRt1PTE3MjAzNjYzODY1NTY5Njg4Mzc7aD1mZGI1M2U4MDkxMWY3YWZhNDFlZGYzODZkNmY0MjlkYg%3D%3D&mstatid=900400>.
- (2) Данный материал трижды включен в Федеральный список экстремистских материалов (под номерами 1178, 2925, 3014), поэтому ссылка на первоисточник не приводится, содержание не цитируется.
- (3) ИГИЛ (ИГ – Исламское государство) – запрещенная в России террористическая организация.
- (4) С началом Специальной военной операции (СВО) России на Украине ряд агрессивных вооруженных действий, предпринятых против российской транспортно-логистической инфраструктуры, военнослужащих и взаимосвязанных с СВО гражданских лиц, Россией квалифицировались как террористические акты, несмотря на квалификационные признаки диверсии.

Показательна ситуация вокруг Крымского моста, в отношении которого противник несколько раз предпринимал попытки вывода из строя разными способами, в том числе через взрыв грузовика со взрывчаткой 8 октября 2022 года, что было названо российской стороной террористическим актом – в последствии атаки прекратились после того, как представители России и Украины заявили, что мост больше не используется для военных целей // <https://crimea.ria.ru/20240617/krymskiy-most-ne-yavlyaetsya-obektom-voennogo-znacheniya--spiker-vms-ukrainy-1138163831.html?ysclid=Iz2isyf68m411150635>.

(5) <https://www.rbc.ru/politics/26/07/2024/66a32f639a7947416854475c>.

(6) <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2022/63a2c14f9a7947ec1b272e45>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Вайс М., Хасан Х.** Исламское государство: Армия террора. М.: Издательство «Альпина нон-фикшн», 2016.
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (Проект). Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=149268>.
3. Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия: монография / Безрукова О.В., Капитонова Е.А., Кулешова Г.П. и др. М.: Издательство «Проспект», 2020.
4. Терроризм: недопустимость оправдания. Исторические, этические и правовые аспекты: доклад / Будницкий О.В., Виноградов В.А., Исэров А.А. и др. М.: Издательство НИУ ВШЭ, 2020.
5. **Ульянов М.В.** Новые тенденции экстремистской и террористической преступности и меры противодействия угрозам национальной безопасности // Вопросы безопасности. 2023. № 2.
6. **Уоррик Д.** Черные флаги. Ближний Восток на рубеже тысячелетий. М.: Издательство АСТ, 2018.
7. **Чернядьева Н.А.** Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. М.: Издательство «Проспект», 2021.
8. **Horowitz M., Kahn L., Samotin L.** A Force for the Future. A High-Reward, Low-Risk Approach to AI Military Innovation // Foreign Affairs. 2022. Volume 101. N. 3.
9. **Pahlavi P.** Digital Hezbollah and Political Warfare in Cyberspace // The National Interest. 31.10.2022 // <https://nationalinterest.org/feature/digital-hezbollah-and-political-warfare-cyberspace-205558?page=0%2C1>.

I.L. MOROZOV

Member of the expert council on countering the ideology of terrorism under the anti-terrorism commission in the Volgograd region, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

TERRORISM AND OTHER FORMS OF NON-STATE POLITICALLY MOTIVATED VIOLENCE – THE PROBLEM OF DEMARCATION BY TACTICAL AND IDEOLOGICAL COMPONENTS

Having entered the stage of activation, the international terrorism is currently one of the most urgent threats to the security of an individual, society and the state in any position of the nation, which poses a scientific problem of determining the measure of counteraction to it. Terrorism is the most aggressive, but unpredictable socially dangerous phenomenon. The objective of the article is to determine the tactical and ideological tendencies of modern terrorism, allowing to distinguish it from such categories as extremism, radicalism, insurgent people's liberation movements – for the development of more targeted programs with it. The methodological basis of the study is a systems approach to the assessment of the phenomena under study, structural and functional analysis of modern terrorist activity as additional elements of tactical and ideological nature, linguistic and semantic analysis of empirical materials. The author comes to the conclusion that among the characteristic features of terrorist ideology, popular among other radical views, the image of the enemy, readiness for unlimited human sacrifices, refusal of any forms of compromise with political competitors, understanding of victory over the world is reduced to a gradual military fighter, but at the same time terrorists have no clarity about the future world order, eclecticism and logical inconsistency in political views are dominant. The author notes that in order to counter the terrorist threat in Russia, a national idea is needed that can fill the ideological vacuum, the framework of which can be such components as Eurasianism, patriotism, traditionalism. However, the affirmation of a generally accepted economic idea in the public plan is impossible without solving urgent problems of a more general kind – a socio-economic order based on nihilism, passive paternalism, characteristic of a significant part of Russian society.

Key words: terrorism, extremism, radicalism, sabotage, insurgent movement, national liberation struggle, ideology, national security.